

Цзян Ехун, крепко сжимая рукоять меча, замер у окна. Грохот грома, подобно взрыву, сотряс дом, и в ослепительной вспышке молнии на бумажной раме проступил пугающий силуэт: всклокоченные волосы, скрюченная фигура — сущий демон из преисподней. Не раздумывая, Цзян Ехун рванул створки на себя, явно сбив ночного гостя с ног, и выпрыгнул наружу.

В лицо ударил колючий ветер, перемешанный с ледяным дождём. В залитом водой дворе он разглядел человека, который, пошатываясь, спешил к воротам. По лохмотьям тот походил на нищего.

Цзян Ехун уже собирался броситься в погоню, но тут скрипнула дверь и на пороге показался староста Ло Чуньчжи.

— Ловец Чу, Ловец Чу... — пятидесятилетний старик подбежал к нему, кутаясь в плащ и высоко поднимая фонарь над головой. — Вам что-то почудилось?

Цзян Ехун смахнул воду с лица и убрал меч в ножны.

— Кажется, видел бродягу.

— А-а, это наверняка тот безумец, Гао Ли, — вздохнул Ло Чуньчжи, прикрываясь зонтом от барабнящего ливня. — Видать, совсем проголодался, раз спустился с гор в поисках еды.

— Безумец?

— Да, бедолага. Лишился рассудка после одного случая, совсем рассудок потерял. Бросается на людей, кусается... Мы его поначалу запирали, но он как-то умудрился сбежать в леса. С тех пор и живёт там, спускается, только чтобы стянуть чего-нибудь. Жалко его. Я обычно оставляю миску у жерновов на окраине, да сегодня закрутился и совсем из головы вылетело. Простите, что переполошил вас, господа. Ложитесь, время-то позднее.

Цзян Ехун вернулся в комнату. Он спал не раздеваясь, но после вылазки во двор одежда насквозь пропиталась влагой. Пришлось снять верхнее платье и развесить его сушиться. Жун Жо уже поднялся; он молча перехватил мокрую одежду из рук Цзян Ехуна и аккуратно расправил её на стойке.

— Я слышал, что сказал староста. Тебе не кажется это странным?

Цзян Ехун стащил сапоги.

— Станным? Что именно?

— Если верить его словам, безумец спускается только ради еды. Но наши комнаты — это

западный флигель, кухня отсюда в другом конце подворья. Зачем голодному бродяге крутиться под нашими окнами, вместо того чтобы идти напрямик за провизией? Судя по тону старосты, тот ворует еду не первый раз и отлично знает, где она лежит. Мы же приехали только сегодня. Даже в такой тьме и под ливнем он не мог ошибиться дверью настолько сильно.

Цзян Ехун нахмурился, осознавая логику этих слов.

— Твоя правда. Чтобы в такой шум проснуться, этот псих должен был изрядно наследить под окном. И староста... как-то уж очень вовремя он оказался в западном крыле. Действительно, подозрительно.

Жун Жо замялся, в его взгляде промелькнула неуверенность.

— Старший брат Чу, есть ещё кое-что... Я не решался сказать, чтобы ты не счёл меня излишне мнительным.

— Да говори уже, не тяни, — поторопил его Цзян Ехун, чей вспыльчивый нрав не терпел недомолвок.

Жун Жо слегка опустил голову, выглядя при этом почти беззащитным.

— С самой минуты нашего появления в деревне я чувствую на себе чужой взгляд. Словно за нами постоянно следят. Не знаю, может, мне и кажется, но чувство это очень сильное.

Цзян Ехун вздрогнул. Из-за суматохи с расследованием его собственная бдительность будто притупилась. А ведь верно — с того момента, как они переступили порог Девяти Семей, его не покидало смутное беспокойство. Теперь стало ясно: это было именно то самое чувство, когда кто-то невидимый сверлит тебе спину.

— Деревушка-то с гнильцой, — пробормотал он, окончательно растеряв остатки сна. — Завтра осмотримся получше. А пока ложись, до рассвета ещё есть время.

Они устроились на одной кровати. Места для двоих взрослых мужчин было в обрез, и Цзян Ехун чувствовал себя крайне неловко от случайных прикосновений. Одеяло было узким, и стоило одному пошевелиться, как плечо другого оказывалось на холоде. Заметив это, Жун Жо мягко потянул край на Цзян Ехуна.

— Старший брат Чу, укрывайся получше. На мне верхняя одежда, я не замёрзну.

От этих слов у Цзян Ехуна почему-то загорелись уши.

— После дождя сыро, даже в одежде продрогнешь. Давай вместе, просто ляжем поближе.

— Хорошо, — Жун Жо послушно придвинулся.

Тонкий, едва уловимый аромат, исходивший от него, коснулся лица Цзян Ехуна. Тот почувствовал, как щеки обдало жаром. Юноша прижался почти вплотную, едва ли не уткнувшись носом ему в грудь. Цзян Ехун застыл, боясь пошевелиться; внутри всё натянулось, как струна. Он чувствовал себя так, словно к нему в постель подложили девицу — нелепое, смущающее и пугающее чувство. «Да что со мной такое?» — злился он на себя, стараясь дышать через раз и делать вид, что всё в порядке.

Дыхание Жун Жо стало ровным и тихим. Цзян Ехун долго боролся с собой, но в конце концов усталость взяла своё, и он провалился в тяжёлое забытие.

Его разбудил шум дождя, всё так же монотонно стучавшего по крыше. Цзян Ехун терпеть не мог, когда его будили, и в такие моменты всегда бывал раздражителен. Он недовольно повернулся на бок, чувствуя в руках что-то мягкое и тёплое. Не осознавая, что делает, он покрепче прижал это «что-то» к себе, накрыв ладонью затылок спутника и вжимая его голову себе в грудь. Почувствовав, как человек в его руках вздрогнул от неожиданности, Цзян Ехун мгновенно распахнул глаза.

Он сжимал Жун Жо в кольце рук, почти утопив его в своих объятиях.

Цзян Ехун оцепенел. Жун Жо лежал смиренно, не пытаясь вырваться, хотя лицо его уже залило пунцовой краской. Цзян Ехуна охватило отчаяние — даже при всей своей толстокожести он не знал, как теперь смотреть парню в глаза. А если тот, пожив в весёлых кварталах, примет это за некий намёк?

В попытке поскорее разорвать объятия Цзян Ехун так рьяно дернулся в сторону, что не удержался на краю и с грохотом рухнул на пол. Ситуация стала вдвойне нелепой. Он вскочил, отряхиваясь и старательно избегая взгляда Жун Жо.

— Это... я это... во сне, — пробормотал он, потирая нос. — Просто не понял, что к чему. Ты... ты не думай ничего такого...

Жун Жо поднялся и начал обуваться. После сна его волосы слегка растрепались, падая на плечи мягкими волнами, что придавало ему какой-то особенной, болезненной красоты. Цзян Ехун поймал себя на мысли, что загляделся, и тут же одернул себя.

— Я и не думаю, — Жун Жо поправил выбившиеся пряди. — Тебе не стоит смущаться, старший брат Чу.

От этих слов Цзян Ехуну стало только хуже. Сердце колотилось от необъяснимого чувства вины, хотя ничего преступного он не совершил.

— Вот ведь зараза, — буркнул он и громко чихнул. — Дождь всё льёт и льёт.

Жун Жо протянул ему верхнее платье:

— Висело всю ночь. Высохнуть-то высохло, но всё равно влажное.

Цзян Ехун поспешно облачился.

— Ерунда. Обидно только, что из-за этой погоды мы здесь застряли.

Жун Жо подошёл к окну и посмотрел на лужи во дворе. Его взгляд упал на сломанную ветку, валявшуюся прямо под рамой. Судя по всему, её обронил ночной гость. Но во дворе не росло деревьев. Откуда она взялась? Может, безумец использовал её как щуп? Но для трости она была слишком тонкой.

Юноша поднял находку.

— Это сосна. Но когда мы въезжали в деревню, я не заметил здесь ни одной сосны. Значит, он принёс её с собой.

Цзян Ехун недоуменно уставился на прутик толщиной в палец:

— И на кой она ему? Играть?

Жун Жо поднёс ветку к лицу и осторожно вдохнул запах.

— Этот аромат... Похоже на благовония «Упокоение грёз».

Цзян Ехун тоже принялся. Действительно, пахло чем-то сладковатым и тонким.

— Что ещё за благовония?

— «Упокоение грёз» — это дорогое успокоительное средство, — пояснил Жун Жо с едва заметной улыбкой. — Помогает мгновенно провалиться в глубокий сон. У них есть особенность: аромат держится много дней, не выветриваясь.

Цзян Ехун с сомнением повертел сосновую ветку в руках:

— И ты вот так просто это по запаху определил?

Жун Жо блеснул глазами.

— У меня с детства чуткий нюх. Раньше, когда в Ижэнь-гэ не спалось, я часто их жёг. Вот только странно: если ветку обронил сумасшедший, откуда на ней взяться столь дорогому составу?

— Может, почудилось тебе. Ладно, пошли завтракать, — сказал Цзян Ехун.

После еды дождь немного поутих. Дом старосты стоял на самом возвышении, и от ворот открывался вид на всё поселение. Деревня Девяти Семей располагалась в естественной котловине, напоминающей чашу. На самом дне зеленели рисовые поля, а дома лепились по склонам гор, словно террасы.

Жун Жо внимательно оглядел окрестности и вдруг нахмурился. Он слегка потянул Цзян Ехуна за рукав:

— Старший брат, посмотри на то, как стоят дома...

Цзян Ехун усмехнулся:

— Словно в глубокой миске, верно? Сам впервые такое вижу. Хотя строить внизу — затея гиблая, в половодье всё затопит к чертям.

Жун Жо встревожился.

— Нет, Старший брат Чу. В этом расположении есть нечто пугающее.

Цзян Ехун заметил, что костяшки пальцев юноши, вцепившегося в его рукав, побелели. Неужели испугался? Он притянул Жун Жо под свой зонт. Мелкая водяная пыль осела на ресницах парня, делая его взгляд ещё более туманным.

— Да что не так-то? Дома как дома.

Жун Жо жестом попросил Цзян Ехуна наклониться. Тот, не понимая причины такой таинственности, подчинился. Тёплое дыхание коснулось его уха, заставив сердце Цзян Ехуна пропустить удар.

— Старший брат, — прошептал Жо, — дома здесь расставлены в строгом порядке восьми триграмм Багуа.

Цзян Ехун мгновенно изменился в лице. Он ещё раз окинул взглядом постройки, мысленно

соединяя их линиями. Юноша был прав: каждое хозяйство, каждый поворот тропы соответствовал определённому сектору магической диаграммы. Это не было случайной застройкой — кто-то тщательно спланировал всё поселение по канонам тёмной мистики. От этого открытия по спине Цзян Ехуна пробежал холодок.

В этот момент снизу поднялся староста в сопровождении нескольких крепких мужчин.

— Господин Чу, изволили откушать? — окликнул он их.

Цзян Ехун уже хотел было прямо спросить про странную планировку деревни, но Жун Жо предостерегающе сжал его локоть, едва заметно качнув головой: «Не надо». Вспомнив, что ночной рассказ старосты мог быть ложью, Цзян Ехун напустил на себя беспечный вид.

— Благодарим, староста, всё было очень вкусно. Дождь хоть и стих, но тучи ещё висят, боюсь, в путь нам сегодня не пуститься. Придётся ещё потеснить вас.

Ло Чуньчжи радушно заулыбался, выглядя как самый обыкновенный добродушный старик.

— Полноте, господин Чу, какие стеснения! Сейчас и впрямь ехать нельзя — дороги развезло, грязи по колено, опасно. Оставайтесь спокойно, как погода наладится, так и отправитесь.

Цзян Ехун заметил, что сапоги старосты и его спутников по колено в свежей грязи.

— С самого утра вас не было видно. Ходили куда?

Староста переглянулся с мужиками и тяжело вздохнул.

— Беда у нас, господин. Ночью кто-то по нужде вышел, да в темноте оступился — угодил в яму с грязью и захлебнулся. Бедолага жил один, семьи нет. Вот, ходили тело забирать, надо бы похоронить по-человечески.

— Печально, — нахмурился Цзян Ехун. — И кто же этот несчастный?

Староста горестно покачал головой:

— Да тот самый Мочжу-кэ, которого вы вчера видели. Видать, перебрал лишнего, вот и не удержался на ногах. Он ведь пропойца был известный, вечно его где-нибудь под забором находили. Я ему сколько раз говорил: «Бросай, добром не кончится». И вот, как в воду глядел...